

утверждал, что в усвоении любого дела «мы никогда не продвигаемся вперёд непрерывно. Мы не делаем успехи постепенно. Мы делаем их внезапными скачками, резкими рывками».

Надеемся, что необычная по форме и содержанию книга Юлдуза Халиуллина «Вселенная на кончике пера» будет интересна и полезна всем, кто только начинает свой жизненный путь и думает о будущем человечества.

P. S. 24 ноября 2024 года друзья Юлдуза Нуриевича – односельчанин Гаяз Исламов и поэт Ленар Шаех – полетели в Москву, чтобы повидать аксакала и вручить ему авторские экземпляры книги. 88-летний дипломат встретил их радушно и остался доволен своим новым публицистическим сборником, который вышел в свет тиражом 1 000 экземпляров и был распространён по библиотекам Республики Татарстан.

Тали Тазизов

191

эссе

Юлдуз Халиуллин

КТО ВЫ, Бурхан Шахиди?

У СЕМИМИЛЛИОННОГО татарского народа, разбросанного волею судьбы по всему миру, немало выдающихся деятелей. Тех, кто оставил заметный след во многих сферах науки и искусства в различных странах мира. Назову лишь трёх из них. Это и всемирно известный бельгийский вулканолог Гарун Тазиев; и выдающийся балетмейстер Рудольф Нуриев, тридцать лет безраздельно царствовавший в западном мире классического танца; и Гаяз Исхаки – крупнейший татарский писатель, мыслитель и общественный деятель всего тюркоязычного мира, проживший почти полвека в Турции. Все они прославили свой народ и страну на чужбине.

Среди прославленных сыновей татарского народа особое место занимает пока ещё почти неизвестный российской общественности Бурхан Шахиди – видный государственный деятель новейшей истории Китая. Удивительно, но факт: татарин, родившийся в конце XIX века в окрестностях Казани под фамилией Шахидуллин и получивший образование в знаменитом казанском медресе «Мухаммадия», в середине XX века становится ключевой политической фигурой в крупнейшей китайской провинции Синьцзян. Свою государственную деятельность он завершает в Пекине на посту заместителя Председателя КНР.

Бурхан Шахиди (1895–1989) прожил долгую и необычную во многих отношениях жизнь. Он был свидетелем и участником почти всех крупных событий XX века, разыгравшихся на политической арене Китая. Это была бурная эпоха войн и революций, крупных катаклизмов, в которые был ввергнут Китай: на эти годы приходится свержение маньчжурской монархии и провозглашение Китайской Республики, японская оккупация Китая, возвышение Чань Кайши и, наконец, приход к власти коммунистов и создание КНР.

Бурхан Шахиди принимал активное участие во всех этих сложных событиях (в масштабах Синьцзяна – одной шестой части Китая) и в такт этим противоречивым процессам то взлетал на вершины государственной власти, то обрушивался в пропасть. В подтверждение этого сошлёмся на несколько эпизодов из его жизни.

В 1938 году, будучи консулом Республиканского Китая в СССР, через год работы на дипломатическом поприще Бурхан Шахиди «угодил» в тюрьму аж на семь лет. Затем, в конце 1944 года, буквально через несколько дней после освобождения из тюрьмы, был назначен мэром города Урумчи, столицы провинции Синьцзян. Так сказать, с корабля на бал.

Всё это вновь повторилось через четверть века. В годы «культурной революции» (1966–1976) семидесятилетний заместитель Председателя КНР был арестован, подвергнут гонениям и унижениям. То находился под домашним арестом, то скитался по тюрьмам и трудовым лагерям. Выдержал десять лет обструкции и выжил.

После очередной реабилитации уже на склоне лет, находясь на государственной пенсии, начал работать над своими мемуарами. К девяностолетию Бурхана Шахиди в Пекине при его жизни была издана на китайском языке объёмистая книга воспоминаний (более 50 000 иероглифов). При участии автора книга переведена и на другие языки, в частности, на уйгурский и казахский.

По-разному можно относиться к необычной судьбе и во многом противоречивой политической деятельности Бурхана Шахиди. В его биографии немало белых пятен. Даже точная дата и год рождения подвергаются сомнениям. Всё окутано легендами и версиями.

Но одно несомненно: чтобы выжить в тогдашнем Китае – в котле непрерывных катаклизмов, где внутривнутриполитическая вооружённая борьба и внешняя интервенция ежегодно уносили сотни тысяч человеческих жизней, где одновременно сталкивались интересы ведущих держав (Японии, Англии, Германии, США и СССР) – нужно было иметь железную волю. Не нервы, а канаты. Лишь гибкость мышления без идеологической зашоренности, острый аналитический ум могли безошибочно определить основные тенденции быстроменяющейся обстановки в Китае. Надо полагать, что Бурхан Шахиди в полной мере обладал всеми этими качествами. Иначе бурные события в любой момент и навсегда могли смыть его с политической арены Китая.

* * *

Рассказ о некоторых интересных сторонах жизни Бурхана Шахиди начну с краткого обзора источников. Это, прежде всего, уже упомянутая книга воспоминаний самого Бурхана Шахиди, с казахским вариантом которой я познакомился в 1998 году в библиотеке Института стратегических исследований Казахстана в Алма-Ате. Казахстанский китаист, прочитавший книгу на языке оригинала, в беседе со мной подчеркнул, что больше всего его поразили два момента. Во-первых, блестящее знание автором китайского языка: он свободно пользуется богатым арсеналом политической и художественной лексики. Во-вторых, Бурхан Шахиди в довольно откровенной форме излагает содержание своих многочисленных бесед с представителями Генконсульства СССР в Урумчи. И, что ещё более уди-

вительно, о своих контактах с представителями советской разведки.

Книгу Шахиди с серьёзными, порою жёсткими критическими выкладками впервые в научный оборот ввёл академик Миркасым Усманов (как, впрочем, и многое другое в нашей истории). В своём замечательном исследовании по истории татарской диаспоры в Синьцзяне («Ябылмаган китап», Казан, 1996) он обрисовал широкий политический и социально-экономический фон этого региона на рубеже последних двух веков. Убедительно, шаг за шагом он развенчивает неблагоприятную роль как российского, так и советского присутствия в Синьцзяне. Надо сказать также, что выдержанное в антиханьском духе искреннее сочувствие к страданиям уйгурского народа красной нитью проходит через всю книгу М. Усманова.

Третий источник – документальное исследование казахстанских востоковедов «Кто есть кто в СУАР КНР», вышедшее небольшим тиражом в Алма-Ате в 1997 году для служебного пользования. Толчком к написанию этого очерка послужила неожиданная встреча и беседа с профессором Мурадом Бурханом, сыном Бурхана Шахиди, состоявшаяся в Алма-Ате в 1999-м в доме моего друга академика Г. Хайруллина. Конечно, в ходе краткой беседы с М. Бурханом мне удалось выяснить лишь отдельные моменты жизни его знаменитого отца. Многое по-прежнему осталось за скобками.

Татарские корни

Во всех официальных китайских источниках периода 50–60-х годов XX века, когда Бурхан Шахиди занимал важные государственные посты в Урумчи и Пекине, утверждается, что «Бурхан Шахиди, уйгур по национальности, родился в 1894 году в округе Аксу (Синьцзян)».

Академик Миркасым Усманов, изучавший этот вопрос по многим источникам, считает, что всё это лишь удобная

Бурхан Шахиди

версия биографии Бурхана Шахиди, продиктованная, скорее всего, китайскими властями после 1949 года. Он аргументированно доказывает, что Шахиди родился несколькими годами раньше упомянутой даты в татарской семье в деревне Аксу Казанской губернии России.

Вот мнение казахстанских востоковедов, специально изучавших этот вопрос по китайским и русским источникам: «Бурхан Шахиди, татарин по национальности, родился в 1894 году в России (родители из посёлка Аксу на территории Синьцзяна), в 1912 году вернулся в Синьцзян и с ранних лет жил в Дихуа (Урумчи), где он учился и работал». Надо сказать, что и здесь концы с концами окончательно не сходятся. Как освещается этот вопрос в современных китайских источниках? Заглянем в «Энциклопедический словарь Синьцзяна» (Урумчи, 1993. С. 143): «Бурхан Шахиди (1895–1985), предки которого были выходцами деревни Аксу в Синьцзяне, ро-

дился в 1895 году в Казани. В 1912 году вернулся в Китай в качестве служащего торговой компании и принял китайское гражданство».

В своих мемуарах отставной китайский государственный деятель вносит осторожную коррективу в автобиографию. Хотя и здесь он, как человек, вошедший в современную историю Китая, не может или не хочет полностью снять завесу таинственности.

Начало его биографии, так сказать, в окончательном варианте самого Шахиди, изложенном в мемуарах, выглядит следующим образом: «Я родился 3 октября 1894 года в деревне Аксу Тетюшского уезда Казанской губернии. По рассказам деда Губайдуллы, мои предки были уйгурами, выходцами из далёкого Китая, с берегов реки Аксу».

Аксу (Кишер Аксуы) – татарская деревня, упомянутая ещё в архивах Казанского ханства XV века. Ныне это крупное село с населением около тысячи человек входит в Буинский район Татарстана. Расположено в 30 км к северо-западу от районного центра на границе с Чувашией.

Из деревни Аксу вышли известные общественные деятели братья Шараф, сыгравшие заметную роль в истории татарского народа в первой половине XX века. Галимзян Шараф, ровесник Бурхана Шахидуллина, был крупным языковедом и политическим деятелем. В сталинское время он был необоснованно репрессирован и позже посмертно реабилитирован.

Братья Шараф в 1906 году открыли в Казани типографию и издательство «Магариф», где за десять лет, по оценкам академика А. Каримуллина, было напечатано свыше 500 книг общим тиражом около 2 млн экземпляров. Трое из четырёх братьев Шараф одновременно преподавали в медресе «Мухаммадия» и были совладельцами этого престижного учебного заведения.

По некоторым данным, Шахидуллины находились в родственных связях с кланом Шарафов. В частности, родная

сестра Бурхана Шахидуллина была замужем за одним из представителей Шарафов. Когда любознательный юноша Бурхан Шахидуллин приехал в поисках новизны и знаний из деревни Аксу в Казань, его зять Шараф без особого труда устроил его приказчиком в книжный магазин издательства «Магариф», определил вольнослушателем в медресе «Мухаммадия». Бурхану Шахиди часто везло: он умел быстро устанавливать нужные связи и, когда обстоятельства этого требовали, максимально их использовать.

Три года жизни в Казани (1908–1911) завершились неожиданно. В 1911 году, как пишет Бурхан Шахиди, по делам книжной торговли он оказался на Нижегородской ярмарке. Здесь он познакомился с Исмагилом Яппаровым, татарским купцом из Семипалатинска, который пригласил его к себе на работу в качестве бухгалтера.

«Можно ли назначить бухгалтером незнакомого юнца без каких-либо рекомендаций?» – задаёт логичный вопрос М. Усманов, сам выходец из купеческой семьи Синьцзяна. Конечно, можно допустить, что смекалистого мальчика, бойко торгующего книгами, опытный глаз татарского купца мог и приметить. Но как без благословения родителей, без каких-либо рекомендаций и поддержки принять такое рискованное решение? Ведь это значит броситься в омут неизвестности. Мало кто способен на такой шаг. Таких рискованных шагов у него будет великое множество. Но этот был первым и, как оказалось впоследствии, приблизившим его через десятки лет к верхним эшелонам китайской государственной власти.

Однако я думаю, что в своих мемуарах архиосторожный Бурхан Шахиди не всё до конца раскрывает. Так, он лишь мимоходом упоминает, как он оказался в Семипалатинске недалеко от китайской границы.

Давайте немного поразмышляем на эту тему. В те годы свою «постоянную точку» на Нижегородской ярмарке имел крупный книготорговец Шарафутдин

Шахидуллин (?!). В 1900–1917 годах у него была налажена широкая сеть книжной торговли по всему Волжско-Уральскому региону. В Казани и Оренбурге Ш. Шахидуллин издавал всевозможные справочники и календари, несколько газет и журналов, среди которых особым спросом у торгового люда пользовался журнал «Русия сэздэсе» («Российская торговля»). Нетрудно догадаться, что крупные семипалатинские купцы Яппаровы регулярно выписывали этот журнал, а может, были лично знакомы с издателем Ш. Шахидуллиным, живущим в «соседнем» Оренбурге.

Вполне возможно, что он рекомендовал Яппарову молодого Бурхана Шахидуллина (благо и фамилии совпадали). Весомый аргумент в пользу этой версии: после революции 1917 года следы книготорговца и его семьи теряются. Здесь уместно сослаться на ту часть книги Бурхана Шахиди, где он пишет, что во время посещения Казани «в конце 20-х годов ему удалось «забрать» (заметим: без особых трудностей) нескольких своих родственников в Китай». Он не уточняет, о ком идёт речь. Но вряд ли его родственники, живущие в деревне Кишер Аксуы, имели какое-либо представление о выездных документах. А вот крупный книготорговец Шарафутдин Шахидуллин был готов выехать куда угодно. К тому же долг платежом красен. Помог же он юнцу Бурхану выехать в Китай в 1911-м! Чем не сюжет для детективного рассказа?

В чьи руки попал Бурхан Шахидуллин в Семипалатинске, в быстрорастущем торговом центре на юго-востоке Российской империи?

* * *

К началу XX века Семипалатинск стал своего рода форпостом по развитию торговых связей между российскими регионами и Западным Китаем – Синьцзяном. В этом качестве город успешно конкурировал с Оренбургом. В этих двух городах образовалась большая татарская колония, верхушка которой активно

подключилась и в сферу российско-китайских торговых отношений.

В соответствии с Российско-китайским договором 1881 года несколько городских центров Синьцзяна (Урумчи, Кульджа, Чугунчак, Кашгар и др.) были провозглашены «открытыми зонами» для российских торговцев, переселившихся на постоянное жительство в упомянутые города.

Братья Яппаровы, проживающие в Семипалатинске, ещё с конца XIX века имели долгосрочную лицензию на внешнеторговые операции с Китаем.

Многопрофильное семейное объединение Яппаровых «Тянь-Шань» создало свои торговые точки и заготовительные конторы почти во всех крупных городах Синьцзяна (в Урумчи, Кульдже, Чугунчаке, Кашгаре, Аксу и др.). Компания занималась оптовыми закупками основных видов китайского сырья – хлопка, кожи, шерсти – для вывоза в Россию. Номенклатура экспорта из России составляли следующие товары: металлические изделия, сельскохозяйственные орудия, ткани, шерстяные изделия, керосин и другие виды российских товаров.

Каждый из четырёх братьев Яппаровых отвечал за определённую сферу деятельности: один – за импорт китайского сырья, другой – за реализацию товаров на российском рынке, третий – за экспорт в Китай российских товаров и за их реализацию, четвёртый – за финансирование и обеспечение транспортом. Это была эффективная, научно обоснованная организация труда, что обеспечивало компании устойчивое развитие и высокие прибыли до середины 20-х годов – до введения в СССР государственной монополии на внешнюю торговлю.

В Семипалатинске в головной конторе компании «Тянь-Шань» Бурхан Шахидуллин быстро вошёл в круг своих обязанностей по бухгалтерским делам и успешно прошёл «испытательный срок». В сентябре 1912 года его направляют в Западный Китай в город Чугунчак в качестве бухгалтера двух крупных

магазинов и заготовительной конторы компании «Тянь-Шань». Это было начало новой жизни в чужой незнакомой стране.

Пятьдесят лет жизни в Синьцзяне

Так называется книга Бурхана Шахиди, вышедшая в Пекине в 1984 году к его девяностолетию. В ней он прослеживает свой жизненный путь через призму исторических событий. Разумеется, как и все мемуаристы, он даёт им выгодную для себя интерпретацию. Тем самым он заранее оправдывает те или иные негативные поступки, которых можно было бы избежать в случае бескорыстных действий.

«Я вернулся на родину своих предков, чтобы остаться там навсегда», – провозглашает Бурхан Шахиди. Это было началом его бурной, полной неожиданных поворотов жизни, когда он неоднократно оказывался на краю гибели.

Здесь, в Синьцзяне, главным образом в его столице Урумчи, Бурхан Шахиди проживёт более полувека, последовательно поднимаясь по служебной лестнице вплоть до самого верхнего эшелона – до уровня главы правительства Синьцзяна, крупнейшего автономного региона Китая.

Китай начала и первой половины XX века бурлил в поисках оптимальной ориентации. Слишком много могущественных внешних и внутренних сил одновременно действовали в борьбе за определение будущего политического и экономического статуса этой великой державы, скинувшей вековые монархические традиции и формы правления.

Свержение Цинской империи в 1911 году и образование Китайской республики привели к ужесточению внутриполитической борьбы за власть. Этим воспользовались империалистические державы, разделив Китай на сферы влияния: японцы господствовали в Маньчжурии, англичане – в Кантоне, немцы и американцы – в Шанхае.

Синьцзян был сферой влияния России, затем СССР.

В 30–40-х годах XX столетия Синьцзян был взбудоражен серией революционных выступлений и мятежей. Как правило, они завершались кратковременным образованием различного рода «республик», а нередко и убийством губернаторов, назначением новых наместников.

Эти выступления имели отчётливую антиханьскую и антидунганскую направленность. Различались они лишь по своей платформе и внешнеполитической ориентации. Гоминьдановскому режиму удавалось подавить эти выступления в зародыше или сильно ограничить ареал их влияния. Будучи сформированными лишь на этнической и религиозной основе, они не имели внешних союзников.

Исключение составляет, пожалуй, образование республики Восточный Туркестан (1944–1949), созданной при материальной и моральной поддержке СССР. Как потом выяснилось, республике, призванной обеспечивать интересы СССР в контактах с китайской компартией и Гоминьданом. Как только победа китайских коммунистов стала неизбежной, Москва «сняла» свою поддержку, и республика немедленно пала.

В течение первых десяти лет пребывания в Синьцзяне (1912–1922) Бурхан Шахиди работал во внешнеторговой компании Яппаровых «Тянь-Шань». Здесь он прошёл хорошую школу бизнеса. Это помогло ему основательно изучить социально-экономическую структуру Синьцзяна. Позже, заняв руководящее положение в компании, он установил полезные контакты со многими представителями деловых кругов уйгурской, китайской, русской и татарской национальности, вошёл в состав совета директоров ряда компаний. В 1929–1933 годах работал торговым агентом правительства Синьцзяна в Германии. Осуществлял поставки в Китай различного вида оборудования (в том числе для частных компаний) и некоторых видов лёгкого вооружения.

Несколько слов об успехах Бурхана Шахиди в сфере государственной службы. Даже короткое перечисление разнообразнейших должностей, занимаемых им, выглядит весьма внушительно. В начале 20-х годов Шахиди работал на таможне, руководил небольшой конторой. Затем был назначен начальником транспортного управления Синьцзяна. В 30-е годы занимал должности заместителя председателя планового комитета правительства Синьцзяна, был консулом Китая в СССР (г. Зайсан). В 1938–1944 годах находился в тюрьме в качестве политзаключённого высокого ранга. С 1945 по 1949 год занимал должности заместителя начальника Административного департамента правительства Синьцзяна, специального уполномоченного округа Урумчи – мэра синьцзянской столицы, заместителя председателя правительства Синьцзяна, председателя коалиционного правительства «трёх революционных округов», члена Правительства Республиканского Китая в Нанкине и председателя правительства Синьцзяна.

Осенью 1949 года после прихода в Китае к власти коммунистов Бурхан Шахиди был вновь назначен (вернее, продолжал работать) председателем правительства Синьцзяна. Одновременно Бурхан Шахиди, до этого никогда не состоявший в каких-либо политических партиях, был «кооптирован» в КПК и сразу «избран» членом Постоянного Комитета синьцзянского бюро ЦК КПК и членом Военно-административного комитета Северо-Запада. В 1951–1954 годы Шахиди занимал должность председателя Народного политического консультативного совета (парламента) СУАР КНР.

В течение длительного времени Бурхан Шахиди был председателем и затем почётным председателем исламской ассоциации Китая. Это в известной мере является признанием его заслуг в общественной жизни Китая.

Таким образом, Шахиди в течение полувека принимал активное участие в экономической, государственной и об-

щественно-политической жизни Синьцзяна. И, что крайне важно, во всех этих сферах он всегда добивался больших успехов.

В ходе этой бурной деятельности, как бы между делом, Бурхан Шахиди успел блеснуть и на дипломатическом поприще. Судя по мемуарам, он действовал на «невидимом фронте» – в политической разведке по меньшей мере двух держав – России и Китая. Отсидел шесть лет в китайской тюрьме по наводке КГБ СССР, обвинённый «в шпионаже в пользу Германии и Японии».

* * *

О предполагаемых контактах Бурхана Шахиди с тогдашней советской разведкой мы можем судить лишь по отрывочным сведениям, изложенным в его воспоминаниях. Других источников у нас нет, и вряд ли они когда-либо появятся. Китайский режим, которому Шахиди служил долгие годы, продолжает процветать.

Судя по мемуарам Шахиди, его контакты с советской разведкой приходятся в основном на конец 20-х и начало 30-х годов XX века. Москва пыталась тогда определить свою линию поведения по отношению к китайскому режиму и противоборствующим силам (гоминьдан-коммунистам).

Вполне возможно, что первые контакты такого рода были установлены ещё в начале 1920-х годов, когда Бурхан Шахиди занимал руководящее положение во внешнеторговой компании Яппаровых. Но интерес к его фигуре, безусловно, возрос после первых успехов Шахиди в системе госслужбы, когда он, так сказать, стал носителем доверительной и секретной информации.

В 1925–1928 годах Шахиди работал помощником и переводчиком генерал-губернатора Синьцзяна. Одновременно выполнял обязанности управляющего делами и начальника транспортного управления. Именно в этот период он неоднократно выезжал в СССР. Сво-

бодно посещал Москву и Казань. Смог даже без каких-либо трудностей привезти в Китай некоторых своих родственников.

Затем в течение трёх лет (1929–1933) Шахиди находился в Германии в качестве торгового агента правительства Синьцзяна. Одновременно учился в Берлинском университете. Вполне удобные условия для «тайных контактов»!

Именно в Берлине Шахиди, по его словам, впервые познакомился с основами марксизма. Потом, после возвращения в Синьцзян, «усовершенствовал свои знания» в ходе регулярных контактов с советскими представителями в Урумчи, в частности, в беседах с генеральным консулом СССР Ветловым. После отъезда генконсула из Китая Шахиди встречался с ним в Москве. Ветлов, в свою очередь, познакомил Бурхана Шахиди с некоторыми сотрудниками КГБ. Обо всём этом Бурхан Шахиди открыто пишет в своей книге. Порою даже кажется, что он нарочито «бравировает» своими контактами с советской разведкой.

Но вот что интересно: по утверждениям казахстанских исследователей, в 1933 году по пути из Берлина в Урумчи Бурхан Шахиди участвовал «в работе революционных организаций СССР». А вернувшись в Синьцзян, некоторое время «вёл подпольную революционную борьбу». Что это означает и о чём идёт речь – неизвестно. Этот короткий период своей жизни Бурхан Шахиди обходит молчанием.

После подавления «уйгурского восстания» и падения «Исламской Республики Восточный Туркестан» (просуществовала всего несколько месяцев) весной 1934 года к власти в Синьцзяне приходит Шэн Шисай, первоначально «показавший себя» как деятель социалистической ориентации. Позже выяснилось, что Шэн Шисай пришёл к власти при поддержке советских спецслужб. Как пишет Бурхан Шахиди, «совместно с приехавшими из Москвы инструкторами я принимал участие в создании службы безопасности для нового губернатора».

Парадоксально, но факт: через несколько лет он сам станет жертвой той структуры, в создании которой принимал участие.

В 1937–1939 годах губернатор Шэн Шисай, которого М. Усманов вполне резонно называет палачом и полуфашистом, действуя точно по схемам тогдашнего КГБ, осуществляет массовые репрессии по всей территории Синьцзяна. Заодно без суда и следствия он ликвидирует негодных ему политических деятелей.

Из содержания бесед Шахиди с советскими представителями чётко вырисовывается, как Шэн Шисай постепенно отворачивается от своих «советских друзей». Как злая собака, сорвавшаяся с цепи, он окончательно «вырывается из-под влияния» и становится злейшим врагом СССР. Ловко маневрируя между интересами Москвы, Нанкина и Токио, он полностью переходит на сторону последних, становится их приспешником и марионеткой.

Как уже упоминалось, будучи на посту консула Республиканского Китая в СССР, Шахиди в 1938 году был арестован по ложному обвинению в шпионаже. Около шести лет он провёл в тюрьмах и лагерях «родной» провинции Синьцзян.

Под давлением антиханьских и антияпонских народных выступлений в конце 1944 г. кровавый губернатор Шэн Шисай был вынужден покинуть Синьцзян. Его «приглашают» в Нанкин в качестве министра сельского хозяйства Центрального правительства.

После бегства Шэн Шисая все политические заключённые в Синьцзяне были незамедлительно освобождены. А только что вышедший из тюрьмы Бурхан Шахиди был назначен мэром города Урумчи и специальным уполномоченным особого округа. «Возвышение» Бурхана Шахиди не осталось незамеченным в Москве. Вот как описывает Шахиди этот эпизод в своих мемуарах: «Буквально через несколько дней, как я приступил к исполнению своих новых обязанностей, после возвращения

с работы домой я застал непрошеного гостя – совершенно незнакомого мне русского человека, который, предъявив какие-то документы, представился под фамилией Чапаев. Он заявил, что несколько часов тому назад специально прилетел из Москвы, чтобы принести официальные извинения от имени советского правительства за то, что в 1938 году ему – Бурхану Шахиди – по ложному доносу тогдашнего советского советника по безопасности при губернаторе Шэн Шисая пришлось безвинно провести около шести лет в тюрьмах и лагерях».

Признание собственной вины – редчайший случай в работе разведслужб всех стран мира. Мотивизация и столь быстрая реакция в данном случае вполне объяснимы. Ведь после бегства губернатора Шэн Шисая соответствующие «обвинительные документы» могли попасть в руки Шахиди, по существу, оказавшегося в кресле губернатора Урумчи. Нужно было как можно скорее признать свою вину и извиниться, чтобы не нажить себе врага в лице Шахиди – самого перспективного лидера Синьцзяна, тем более что Москва стала быстро терять свои прежние позиции.

Для Шахиди это означало прекращение любых доверительных контактов с представителями СССР. Отныне он ведущий деятель государственной элиты Синьцзяна, часть китайского истеблишмента, обеспеченного всеми привилегиями. В соответствии с этим статусом все его дальнейшие контакты с представителями иностранных государств отныне будут носить сугубо официальный характер и всецело служить интересам китайского государства.

Острый ум и безошибочная политическая интуиция, умение Шахиди быстро схватывать суть политической ситуации в Синьцзяне при тесной увязке с общей обстановкой в Китае сами по себе могли привлечь интерес к этой личности со стороны спецслужб различных стран.

Однако я далёк от мысли, что Шахиди был «платным агентом» или выполнял какие-то важные поручения советской или иной разведки, способные нанести ущерб интересам Китая. Скорее, он мог исполнять роль агента политического влияния как для зондажа позиции той или иной стороны, так и для оказания соответствующего воздействия в нужном направлении. В этом смысле деятельность Шахиди могла бы быть весьма близкой к той работе, которую обычно выполняют дипломаты, добиваясь компромисса и взаимоприемлемых для обеих сторон решений.

Знание языков – ключ к «постижению большой политики»

У Бурхана Шахиди был редкий талант к изучению языков. Меня как востоковеда-практика заинтересовали его методы усвоения языков. Небезынтересно проследить этот процесс по этапам его жизни.

Начальное образование, полученное в Аксу и в старотатарской школе соседней деревни Кукшум, несколько лет обучения в привилегированном казанском медресе, надо полагать, дали молодому Бурхану Шахидуллину хорошую возможность навсегда закрепить знание литературного татарского языка. Ведь недаром говорят: кто не знает родного языка, тот не выучит в совершенстве и иностранного.

Судьба приготовила ему интереснейшую миссию: к тридцати годам он овладел полдюжиной восточных языков. Но это будет значительно позже и далеко за пределами Поволжья.

До отъезда из России он практически не знал русского языка. Выучил его в Китае в общении с русскими купцами и усовершенствовал в ходе бесед с представителями советской миссии в Урумчи и другими официальными лицами.

В 1912 году, оказавшись в Синьцзяне, он быстро уловил: чтобы выжить и тем более занять достойное место в обществе, надо незамедлительно и основательно выучить уйгурский язык – средство общения с представителями основного этноса региона. Он достиг и здесь самой высшей планки: стал официальным переводчиком генерал-губернатора. Издал несколько книг на уйгурском языке, в том числе сборник стихов.

И этого ему было недостаточно. Если хочешь стать полноценным гражданином Китая и занять соответствующее положение в обществе, ты должен во что бы то ни стало выучить китайский язык. Причём в такой степени, чтобы быть ничем не хуже китайца с высшим образованием.

К началу 1920-х годов Шахиди свободно общался на китайском языке и регулярно читал периодическую печать. Он мог отличить все нюансы интонационных высказываний китайских руководителей. Он пошёл дальше: в свободное время занимался переводами с китайского на уйгурский язык. Будучи китайским консулом в СССР, свободно переписывался со своим правительством на двух языках: в контактах с Урумчи – на уйгурском, с Пекином – на китайском.

Более того, оказавшись по воле судьбы в тюрьме, он умудрился писать стихи на китайском языке (по его словам, посвящённые Мао Цзэдуну). Кроме того, под контролем надзирателей он занимался переводами секретных инструкций с китайского на уйгурский. Перевёл также с китайского на уйгурский язык книгу бывшего генерал-губернатора («Три желания»).

Там же, в тюрьме, он начал работу по созданию трёхязычного словаря. Позже, в начале 50-х, в Пекине он издал большим тиражом «Уйгурско-русско-китайский словарь» объёмом около 800 страниц.

По словам его сына Мурада Бурхана, будучи председателем правительства Синьцзяна, Шахиди с представителями казахской, киргизской и дунганской диаспоры всегда предпочитал вести диалог на их родном языке. Поскольку он хорошо знал китайскую иероглифическую письменность, вполне возможно, что он мог свободно читать и японские газеты (не зря же его объявили «японским шпионом»).

Весьма поучительно, как он изучал немецкий язык. В 1929 году Бурхан Шахиди был направлен в Германию для закупки оборудования и некоторых видов вооружения. Быстро разместив заказы, в ожидании дальнейших указаний из Урумчи он начинает активно заниматься изучением немецкого языка. В 1930-м, сдав специальные вступительные экзамены, Шахиди поступает в Берлинский университет и успешно завершает в нём полный цикл трёхгодичного обучения. Потом и это обстоятельство всплывает наружу – его объявят «немецким шпионом».

Отличительная особенность Шахиди заключается в том, что он осваивал языки как бы «на ходу», самостоятельно. Выражаясь современным языком, «без отрыва от производства». Но всегда с практическим прицелом. Так было повсюду: в Казани, Урумчи, Берлине и Пекине. И незамедлительно находил максимальное применение своим языковым знаниям.

Хорошее знание языков, прежде всего китайского, русского и уйгурского, давало возможность Бурхану Шахиди регулярно следить за периодической печатью, бесперерывно накапливать необходимую информацию и своевременно «улавливать» любые нюансы политических событий и тенденций в Китае и вокруг него. Он всегда и везде (даже в тюрьме) был хорошо информированным, готовым к любым поворотам судьбы. В этом ему, безусловно, помогало отличное знание языков.

В Синьцзяне

Деятельность Шахиди в Синьцзяне получила высокую оценку китайских властей. Во всех официальных источниках неизменно отмечается, что в 1949 году, являясь председателем правительства провинции Синьцзян, Шахиди принимает решение «не препятствовать вводу в Синьцзян подразделений Народно-освободительной армии Китая, чем и внёс весомый вклад в дело мирного освобождения Синьцзяна». Примечательно и то, что после кончины Бурхана Шахиди ЦК КПК счёл необходимым посвятить целую страницу его плодотворной деятельности в Синьцзяне, приведшей «к мирному воссоединению и созданию Уйгурского автономного региона».

Оценка оппозиционных сил в Синьцзяне носит прямо противоположный характер. Они исходят из того, что такой подход Шахиди лишил возможности военным формированиям республики Восточный Туркестан отстоять свою самостоятельность. Безусловно, такая точка зрения тоже имеет право на существование. Более того, развивая эту мысль, нетрудно прийти к выводу, что тогдашнее решение Бурхана Шахиди, по существу, открыло путь к насильственной «окультуризации» Синьцзяна. В дальнейшем это целенаправленно осуществлялось Пекином под эгидой концепции «единой китайской нации», в понятие которой якобы входят все этнические группы Китая, сопричастные к истории страны.

Но нельзя питать никаких иллюзий. Китайская армия вряд ли остановилась бы на полпути к Синьцзяну, когда уже почти вся страна находилась в руках коммунистов. В случае сопротивления военных формирований Синьцзяна кровопролитие стало бы неизбежным и привело бы к огромным человеческим жертвам. К тому же самостоятельное существование Республики Восточный Туркестан, зажатой между двумя гигантами – СССР и Китаем, ставшими приверженцами одной коммунистиче-

ской идеологии, – было проблематичным.

В этой сложной ситуации, как мне представляется, иной разумной альтернативы просто не было. Бурхан Шахиди, видимо, принял единственно возможное решение. Оно не только способствовало завершению его карьеры на высоких постах в Пекине, но и включению его имени в историю современного Китая.

В то же время нельзя не согласиться и с мнением Миркасыма Усманова, что всестороннюю оценку деятельности Бурхана Шахиди могут дать лишь представители уйгурского народа – основного этноса Синьцзяна, где он проработал около пятидесяти лет.

Современный Синьцзян – Уйгурский автономный район (СУАР) – полностью интегрированный, стратегический регион Китая. СУАР КНР занимает площадь 1,6 млн кв. км, что составляет шестую часть всей территории Китая. СУАР граничит с Казахстаном (1718 км), Кыргызстаном (1000 км), Таджикистаном (450 км), Россией (55 км), Монголией (1 400 км), а также с Афганистаном, Индией и Пакистаном. Общая протяжённость государственной границы СУАР КНР – 5 600 км. Это почти четверть всей государственной границы страны. Здесь дислоцирована третья часть пограничных войск Китая и около двух миллионов человек в составе так называемого военизированного производственно-строительного корпуса.

Синьцзян располагает огромными природными ресурсами. В трёх горных системах региона обнаружены свыше 3000 месторождений 120 видов высококачественных полезных ископаемых. Горы Алтая известны месторождениями золота, слюды, редких металлов и драгоценных камней. Для гор Тянь-Шаня характерны запасы железа, угля, марганца и цветных металлов. Куньлуньские горы известны во всём мире залежами нефти, асбеста, хрусталя и редкоземельных металлов. Таримская и Джунгарская впадины богаты нефтью, газом, углём и гипсом.

Прогнозируемые запасы угля в Синьцзяне оцениваются в 2,2 трлн тонн, оценочные запасы нефти – 30 млрд тонн. Здесь встречаются почти все виды полиметаллических руд – молибден, вольфрам, бериллий, литий, тантал, цезий, ниобий. И так почти вся менделеевская таблица пока в ожидании своих разработчиков с огромными капиталами. По мнению американских экономистов и политологов, в первой половине XXI в. Синьцзян станет одним из самых притягательных регионов Азии для мировых транснациональных компаний. Здесь может развернуться ожесточённая конкуренция за разработку богатейших месторождений полезных ископаемых.

В 1996 году, впервые оказавшись в Пекине, я был поражён размахом и масштабами строительного бума. В центре города высятся сотни современных зданий, десятки небоскрёбов и пятизвёздочных гостиниц. Строительные работы ведутся круглосуточно. Я полагал, что это, видимо, характерно лишь для столицы КНР. Но, посетив два провинциальных города на северо-востоке и на северо-западе, убедился: весь Китай превратился в единую строительную корпорацию.

В центре Урумчи около десятка небоскрёбов, отданных под офисы иностранным компаниям, и дорогие современные гостиницы. По всему Китаю насчитывается свыше трёх тысяч «звёздных» отелей. В том числе около 200 пяти- и четырёхзвёздочных, ежегодно обслуживающих около 50 млн иностранных туристов.

В Урумчи, в древней столице уйгуров, меня поразило также другое. В центре города, в районе небоскрёбов, в основном мелькают лица ханьской национальности. Очень мало лиц коренных этносов, в частности уйгуров и казахов. Заглянул в китайскую статистику. Оказывается, ныне 80 % населения Урумчи

составляют ханьцы. Уйгуров лишь 12 %, да и те живут в основном на окраинах города.

В результате проведённых Пекином в 60–70-е годы XX века целенаправленных «миграционных мероприятий» к началу 80-х этнодемографическая ситуация в СУАР изменилась коренным образом. Задача китайского руководства – «достижение паритета между ханьским и тюркоговорящим населением региона» – была решена. Синьцзян теперь интегрирован в КНР в большей степени, чем когда бы то ни было в истории страны.

По достоверным американским источникам, на начало 2000 г. в СУАР КНР проживало 35 млн человек. В том числе ханьцев 21 млн человек, 11 млн уйгуров, 2 млн казахов и около 1 млн представителей других национальностей.

Сегодняшняя реальность такова, что к началу XXI в. Синьцзян не только политически, но и экономически, социально, юридически, идеологически больше, чем когда бы то ни было, стал частью Китая. Вполне возможно, что у некоторых слоёв тюркоговорящего мусульманского населения всё ещё сохраняется ностальгия по созданию собственного национального государства по образцу 30–40-х годов XX века, а достижение полного национального согласия и поныне продолжает оставаться головной болью как регионального, так и центрального руководства. Но совершенно очевидно, что создание независимого тюрко-исламского государства в пределах Синьцзяна в обозримой перспективе совершенно немыслимо. В равной степени невозможен возврат к жёсткому курсу периода «культурной революции». Учитывая изменившуюся ситуацию как в Китае, так и в мире, Пекин вынужден искать новые пути и формы взаимоотношений центра с его национальными окраинами.

Бурхан
Шахиди
и Мао
Цзэдун,
1960-е

На высоких постах в Пекине

В 1955 году Шахиди по приглашению премьер-министра Госсовета КНР Чжоу Эньляя переходит на руководящую работу в столице Китая. В течение длительного времени (1954–1966) он работает заместителем председателя Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) первого, второго и третьего созывов. Как известно, бессменным председателем ВСНП вплоть до своей кончины был Мао Цзэдун. Одновременно Бурхан Шахиди выполнял обязанности заместителя председателя Комитета по делам национальностей ВСНП первого и второго созывов (1954–1964).

Великолепный знаток проблем Синьцзяна того периода М. Усманов (он родился в Кульдже и прожил там почти четверть века) в своей книге «Ябылмаган китап» в разделе, посвящённом критическому разбору деятельности Бурхана Шахиди, поднимает вполне закономерный вопрос: «Кому и какой идее служил Бурхан Шахиди? Янь Зиншину, ставленнику цинской монархии, сохранившему свой пост губернатора в далёкой китайской провинции и после революции 1912 года? Или сменившему

его на этом посту милитаристу генералу Чжан Чжичжуну? Может быть, полуфашисту, палачу Шэн Шисаю? С одинаковым рвением Чан Кайши и Мао Цзэдуну? А возможно, и Сталину?! От такой беспринципной головоломки, ей-богу, сам чёрт шею сломает», – заключает М. Усманов.

Сказано, конечно, жёстко и категорично. Но в такой постановке эти суждения звучат весьма логично. Я не берусь полемизировать со столь авторитетным историком. Откровенно говоря, я даже испытываю определённую неловкость, выступая в этом вопросе в качестве оппонента глубокоуважаемого исследователя.

Действительно, в течение почти десяти лет Шахиди возглавлял правительство Синьцзяна при четырёх политических режимах, коренным образом отличающихся друг от друга по своим политическим платформам. Он был председателем коалиционного правительства «трёх революционных округов». Входил в состав центрального нанкинского правительства Республиканского Китая. Занимал пост главы правительства Синьцзяна при гоминьданском режиме. Приход к власти коммунистов в Пекине застал Бурхана Шахиди на посту главы правительства Республики Восточный

Туркестан. После её падения он, как ни в чём не бывало, уже при коммунистах продолжал руководить правительством СУАР КНР в течение пяти лет.

Главный постулат Шахиди заключался в том, что он всегда выступал за «единый неделимый Китай», против отделения Синьцзяна. В подходе к этой основополагающей проблеме Синьцзяна он исходил, на мой взгляд, из понимания реальной действительности. При любых режимах и изменениях политической обстановки Китай никогда не допустит потери богатейшего и крупнейшего региона, превышающего по площади территории таких ведущих стран Европы, как Англия, Германия, Италия и Франция, вместе взятых.

Шахиди, будучи прагматиком в политике, хорошо изучил и воспринял консервативное, иносказательное китайское мышление, разбирался в его тончайших нюансах. Государственным деятелям ведущих стран мира ещё предстоит изучить и понять политические компоненты современного китайского мышления. Хотя бы потому, что в начале XXI в. Китай, впервые выпрямив свои экономические крылья, сделал прямой вызов США и остальному миру, претендуя, по крайней мере, на роль второй сверхдержавы.

Что касается оценки китайского мышления, сошлюсь лишь на «заочный диалог» двух видных дипломатов – американского и советского. Джордж Кеннан, работавший послом США в СССР, Англии и Югославии, автор крупных монографий по внешней политике и дипломатии США, пришёл к выводу, что «в индивидуальном плане китайцы, вероятно, самые умные люди среди всех народов мира».

О. А. Трояновский, бывший посол СССР в Японии, Китае и в ООН, пишет в своих мемуарах, что он не хотел бы спорить с Кеннаном по этому поводу, поскольку считает весьма рискованным делать такие обобщения в преломлении к целым народам. Но на основе лично-

го опыта (он был послом СССР в КНР в 1986–1990 годах) считает китайских руководителей по их профессионализму на уровне, а в ряде случаев и выше уровня руководителей любой другой страны мира.

Размышления о государственной деятельности Шахиди в Синьцзяне, на китайской земле, невольно толкают меня на исторические сопоставления аналогичного характера. Например, кому и какой идее служили выдающиеся государственные деятели Франции начала XIX в. Талейран и Фуше, последовательно оставаясь на посту министра иностранных дел и министра внутренних дел при четырёх-пяти режимах, фактически уничтожавших друг друга? Ответ однозначен – интересам французского государства.

Что касается вопроса приверженности власти и преданности идее или идеологии – у государственных деятелей эти качества не всегда совпадают. Наглядный пример из нашей сегодняшней истории – деятельность М. Горбачёва и Б. Ельцина. Генеральный секретарь КПСС предал интересы 20 млн коммунистов, чтобы сохранить власть в новых условиях, но не удержал. Коммунист с сорокалетним стажем – Б. Ельцин в одночасье стал ярым противником социализма и приверженцем христианской идеологии. Причём все эти превращения «на ходу» были направлены для выполнения единственной цели – сохранить власть в своих руках.

Китай начала XXI в., служению интересам которого Шахиди посвятил свою жизнь, постепенно становится второй державой современного мира. КНР – единственная после распада СССР великая держава, которая по отдельным направлениям мировой политики может противостоять вызовам США, считающих себя единственной глобальной сверхдержавой.

КНР независимо и самостоятельно вырабатывает свой внешнеполитический курс и позицию по всем междуна-

родным вопросам. Она провозгласила, что не вступит ни в какие союзы и не будет устанавливать никаких стратегических отношений с крупными державами или блоками, выступает против гегемонизма и политики силы.

За последние двадцать лет Китай сделал огромный скачок в своём экономическом развитии. По объёму ВВП (5 трлн долларов) Китай обогнал такие экономические гиганты, как Япония и Германия, прочно занял второе место после США (ВВП – 9 трлн долларов).

По прогнозам Всемирного банка, к 2025 году по объёму ВВП Китай опередит США примерно на 10–15 %. В условиях своеобразного ренессанса азиатской цивилизации, по оценкам политологов, XXI век станет азиатско-тихоокеанским веком. На лоне его развернётся ожесточённая конкурентная схватка мировых держав, где ведущую роль будут играть США и КНР.

Однако пора вернуться к нашей основной теме. Как я и обещал в начале, предоставим слово профессору Мураду Бурхану:

О политике

– В течение многих лет отец был вовлечён в большую политику и жил в Урумчи – в центре политического котла Синьцзяна. Отец утверждал, что, будучи главой правительства Синьцзяна, он лично никогда не давал никаких указаний о репрессивных мерах в Синьцзяне и никогда не преследовал своих политических противников. Во время различных политических кампаний и «чисток», проводимых время от времени по всему Китаю, по словам отца, он предпринимал все меры, чтобы их максимально смягчить и не допустить человеческих жертв.

Он весьма болезненно воспринимал обвинения в свой адрес со стороны тогдашних лидеров уйгурской диаспоры, обосновавшихся в США и Турции. Об-

винения в том, что, дескать, именно он является виновником присоединения Синьцзяна к Китаю в 1949 году.

«Им легко рассуждать, находясь в полной безопасности за океаном. Они не имеют никакого представления о реальной обстановке и соотношении сил. Я убеждён, что тогдашним решением мирного воссоединения я предотвратил массовое кровопролитие, которое принесло бы неисчислимые жертвы для населения Синьцзяна, в первую очередь для уйгурского народа», – утверждал Бурхан Шахиди.

О семье

«У отца была большая семья: девять детей от двух жён. Четверо от первой жены, уйгурки по национальности; пятеро от второй жены, татарки.

Наша мама была моложе отца на двадцать лет. Рашида-ханум – так звали её друзья нашей семьи – родилась в городе Кульджа в семье татарских интеллигентов. Там же она окончила татарскую школу, основанную ещё в начале прошлого века известным просветителем Г. Буби. Как отличницу её оставили преподавателем начальных классов в той же школе. В начале 1930-х годов, как тогда было принято, она выехала на учёбу в СССР. С отличием окончила двухгодичный учительский институт в Ташкенте.

Мама посвятила педагогической работе почти полвека. Она с одинаковым успехом могла преподавать физику и математику, историю и географию. Однажды в Урумчи она в течение двух лет по своей методике вела уроки уйгурского языка в китайской школе и одновременно уроки китайского языка в уйгурской. Позже, когда отца перевели в Пекин на работу в ВСНП (парламенте), она разработала ряд учебно-методических пособий по вопросам преподавания языков в национальных и китайских школах. Отец высоко ценил её познания в уйгурской литературе и часто совето-

вался с ней накануне встреч с представителями сферы образования».

Дети и многочисленные внуки Шахиди разбросаны по городам Китая, Казахстана и Узбекистана. Летом 1999 года Мурад Бурхан с женой впервые за тридцать лет провёл свой отпуск в Алма-Ате и Ташкенте. Жили в кругу семей родных сестёр – дочерей Шахиди, родившихся в Синьцзяне и с 1950-х годов постоянно проживающих в Казахстане и Узбекистане.

В годы «культурной революции» молодой учёный-нефтяник, как и его отец, семь лет отсидел в тюрьмах и лагерях, так сказать, в ранге «белого воротничка» тогдашнего китайского общества. В настоящее время доктор технических наук, профессор Мурад Бурхан возглавляет нефтяной институт в Урумчи. Следуя заветам отца, он в совершенстве выучил уйгурский и китайский, свободно общается на татарском и русском языках.

Жена М. Бурхана – Шамсекамар, уйгурка по национальности с хорошо сохранившимися красивыми чертами лица. Она также свободно говорит по-татарски и по-русски. Занимает профессорскую должность в том же институте. Докторскую диссертацию написала на двух языках – русском и китайском. И защитила её дважды – в Москве и Пекине.

Гостеприимные хозяева Гриф и Фирдавес Хайруллины весь вечер развлекали нас прекрасным исполне-

нием татарских романсов собственного сочинения. (Профессор математики Гриф Хайруллин сочиняет песни на собственные стихи и сам же их исполняет, часто дуэтом с женой.) Такая атмосфера держала всех нас в духе творческого вдохновения. Тем не менее мы были приятно удивлены, услышав татарскую народную песню «Сарман» в исполнении китайского профессора М. Бурхана.

Думаю, пора завершить наш рассказ на этой мажорной ноте без каких-либо выводов, оставляя наши досужие размышления о неординарной судьбе Бурхана Шахиди на суд любознательных читателей.

Весной 2002 года, будучи гостем Миркасима Усманова, за обеденным столом китайского ресторана Хе Пэна, расположенного в центре Казани, я заинтересовался мнением знатока истории татарского народа относительно возникшей у меня идеи об издании научно-популярной книги на тему «Тысячелетняя история русско-татарских отношений» с участием казанских и московских учёных. Мудрый академик, не моргнув глазом, дал лаконичный ответ: «Пока время не пришло».

Может быть, эти же слова вполне применимы и по отношению к разработке современной истории Синьцзяна и определению в ней роли Бурхана Шахиди (Шахидуллина) – китайского государственного деятеля уйгурской национальности татарского происхождения.

